

A woman with blonde hair, wearing a straw hat with a dark band, a short-sleeved top with a red and white floral pattern, and a long red skirt, stands with her back to the camera. She is in a lush green field filled with yellow wildflowers. In the background, a small village with wooden houses and corrugated metal roofs is nestled among trees. The sky is bright blue with large, white, fluffy clouds. The title 'Времена не выбирают' is written in large white letters across the top, with the author's name 'Андрей Савичев' in smaller letters above it.

Андрей Савичев

Времена не выбирают

18+

Андрей Савичев

Времена не выбирают

<https://litres.ru/74347642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец 30-х годов прошлого века. Недавно прошедшая сплошная коллективизация чудом не коснулась большой крестьянской семьи на хуторе в Псковской глуши. Но хутор находился слишком близко к старой большой дороге, и однажды районное начальство, направляясь на охоту, заметило главу семейства за работой. Всю семью силой загнали в соседний колхоз. Старшая двадцатилетняя дочь решила попытать счастья в Ленинграде. У её старшего брата такая попытка закончилась почти трагически, но она решила рискнуть несмотря ни на что.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Савичев

Времена не выбирают

Глава 1

"Времена не выбирают, В них живут и умирают"

На пороге огромного рубленого дома молча сидели двое: плечистый и пузатый немолодой мужчина и похожая на него глазами, носом и губами девушка. Сразу было видно, что это отец и дочь. По щеке девушки катилась слезинка. Она крепко сжимала руку отца своей красной от нелёгких бабьих трудов рукой. Дом выбивался из череды убогих сельских домишек единственной улицы села какой-то особой красотой. Сработан был на ять. Вот и простоял потом даже брошенный и нежилой ещё почти полвека.

— Прости, доча! Не думал, что вот так вот придётся расставаться с моими детьми...— Что вы, отец. Я всё понимаю. Нелегко столько детей на ноги поднимать. Да мне и самой хочется всего в этой жизни добиться.— Господь с тобой, Олюшка. Авось тебе посчастливится больше, чем моему брату.

Старший её брат, Алексей, когда загоняли родителей в колхоз, уехал в Ленинград с чемоданом мяса. Да попал сразу с поезда в облаву на Московском вокзале. Прибывший со-

став оцепили стрелки НКВД, и брату пришлось под пулями спастись бегством. Когда он пришёл в себя у стен Боткинской больницы, то понял, что теперь совсем пропал. Чемодан с мясом был брошен под ноги целившемуся в него охраннику. Никаких документов при себе не было. Он прислонился к ограде, сидя на мёрзлой земле, когда ноги перестали держать, — и так бы и замёрз ночью в заморозок, если бы проходивший мимо мужичок не окликнул его.

— Эй, паря, ты живой? Вставай, а то насмерть замёрзнешь! Тебе что? Некуда идти?

Брат взглянул на сердобольного прохожего таким взглядом, что тому стало не по себе, и промолчал в ответ.

— Ну, будет, не дури! Вставай-ка, пойдём со мной, кипяточком тебя горячим согрею. Сахарку вприкуску дам. А хочешь — и рюмочку поднесу. Работенка у меня, брат, такая. Без рюмочки от неё никак нельзя. Тебя как звать-то? — Алек...сей, — выдавил сквозь зубы брат. — Вот и славно! А величать как? — Осип Васильич мой отец. — Так Алексей Осипыч, туточки моя работа. Пришли.

Перед ними был странный барак с заколоченными окнами, не крашенный, по всей видимости, со времён постройки. Когда подошли ближе к дверям, Алексей учуял характерный запах тления. Но это был не морг. Тянуло сыростью и дымом. «Баня для мертвецов», — пронеслось в мозгу, и он потерял сознание.

Очнулся в этом помещении на лавке. Новый знакомый

подносил к его лицу нашатырь.

— Деревенский что ль? Алексей разглядел наконец лицо своего спасителя.— Не городской. Такая, значит, у тебя работа? Душегубец! — и он попытался вскочить с лавки и вцепиться незнакомцу в глотку.— Эй-ей, паря, не балуй! Я так понял, милицию ты не согласен здесь сейчас видеть?! Когда Алексей уселся на лавку и откинул голову к стене, тот продолжал:— Дура-ак! На голодное брюхо не мудрено, что всякие мысли в голову лезут.— А что? Не хотел ты разве и меня... пустить в расход для своего... дела?— На чёрта мне это надо?! Питербурх большой город. Здесь такого добра и без тебя хватает.— Хватает ли? Мыла-то, поди, тоже немало надо? Да и чего только не сделаешь из-за барышей?— Мыла?! — незнакомец согнулся от смеха, но злой кашель быстро его прихватил.

Алексей хотел бежать отсюда без оглядки, как утром бежал с Московского. Ну и городишко поганый этот Питер, не зря батя отсюда в 1905-м сбежал. Но незнакомец наконец откашлялся и цепко ухватил его за рукав.

— погоди! Чаю тебе дам сладкого, не кипятка. Вот бери... и хлеб у меня есть, и сало. Оставайся! Помощник мне шибко нужен. Видишь, совсем я стал плохой. Сдохну скоро. Чёртовы казематы царские!

За чаем они разглядывали молча друг друга. Наконец незнакомец произнёс:

— Как в голову-то тебе такое могло прийти? Что мы здесь

из покойников... мыло... варим.— Не мыло, а что? Вижу, здесь вроде не морг. Но и не баня же! Упокойникам баня ни к чему!— Да, у нас здесь, понимаешь, производство... необходимое для науки... медицинской.— При больнице?— А откуда знаешь, что при больнице?— Сидел пока возле ограды. Нагляделся.— Ну так вот. Как думаешь, начинающие врачи на чём учатся?— Известно на ком. На упокойниках.— Ай! Да ты одурел совсем. Кто ж тебе в аудиторию тело-то принесёт лишний раз? Хотя, конечно, если надо — можно и принести. Но студентов-то сколько? Да и не так уж много бесхозных тел.— А сам говорил... город большой... такого добра.— Большой-то большой. Только теперь не то, что при царском режиме. Каждый норовит родственника захоронить, да и на себя землицы хапнуть. А войны с эпидемиями давно прошли, а вот студенты всё идут и идут, идут и идут. Ладно. Твоё здоровье! — незнакомец опрокинул рюмочку и поднёс к носу хлеб с салом. — Да. Позвольте представиться. Адольф Карлович Виллевальде.— Так ты немец что ль?!— Петербуржец. Потомственный. Предки прибыли в сей славный град из Баварии при государыне императрице Екатерине Великой. Слыхал, быть может, про меннонитов? Хотя откуда тебе, деревенщине, знать. Поступил я в медицинский. Только недолго проучился. С первого курса загремел в Шлиссельбург. Казнь была заменена вечной каторгой, только заковать не успели. Как раз случился февраль семнадцатого года.— А что ж потом... не выучился на профессо-

ра? — Алексей затрясся всем телом после выпитой водки и с трудом выдавил из себя: — Как ты пьёшь такое пойло... у меня родители и то лучше гонят.— Шутить изволите? Выучился. После освобождения слабый был очень. Тиф, Гражданская. Родители мои померли. Или убили, вернее сказать, при реквизициях. Жрать нечего! «Голодное брюхо к учению глухо». В общем, не знаю, чем так грешен, что Господь не призвал к себе ещё до революции... в Шлиссельбурге.— Так ты контра?!— Эх, молодой человек, молодой человек! Вот вы здесь какими ветрами в Питере? Ну-ну, не мыло я из вас варить собирался, а если б отдали, к примеру, Богу душу у меня на руках, а где ваших близких сыскать мне неведомо...— Не мыло говоришь?! Помощник тебе нужен? — глаза у Алексея налились кровью и кулаки сжались.— Прости, Господи! Да успокойся! Уж коли не доверяешь мне, давай ещё по стаканчику тяпнем, и иди-ка ты, паря, на все четыре стороны!

Выпили. Крякнули. Посидели молча. И тут Алексей обратился к Карловичу:

— Слышь, студент! Документ мне нужен... да денег на обратный путь. Ну, чёрт с тобой. Давай поработаем, коли работа будет.

Но работы в следующий месяц было только один раз. Привезли тело прекрасной девушки. По результатам вскрытия — отравившуюся. Родные и близкие не объявились. Вот и продолжила она своё земное существование в виде медицин-

ского пособия. А Алексей, получив от Адольфа Карловича документ, составленный с его слов, за подписью и с печатью, и немного денег на дорогу, вернулся в родные края. Только вот жить с матерью, отцом, братьями и сёстрами после этой истории уже не смог. Попросил родительского благословения и подался в сплавщики. Недалеко от их бывшего хутора протекала река Западная Двина. А ближе к Балтийскому морю становится она Даугавой. Издавна так повелось в этих не хлеборобных местах, что зимой заготавливали лес, возили его к реке. А когда набирала она силы от тающих снегов, сбивали лес в плоты и сплавлялись на этих плотях до самой Риги. Алексей же приспособился после сплава находить себе временные подработки в её окрестностях. В родные края возвращался только в октябре, до первого снега, пешком вдоль реки.

Глава 2

Ранним июньским утром 1937 года Ольга попрощалась со спящими младшенькими братишками и сестрёнками. Сашенька открыла глаза, подскочила с постели.

— Лёля, я с тобой!— Что ты, Шурочка! Ты маме и отцу помогай. А я как устроюсь где — пришлю тебе письмо. Тогда и приедешь.

Александра едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Но ей оставалось только молиться, чтобы Господь сохранил её сестру. Та обулась в новые лапти, специально сплетённые отцом для дальнего пути. Закинула за плечи котомку, сшитую мамой, и тихонько затворила за собой дверь.

На ней было простое платье из вытканной холстины с короткими рукавами. Выцветшая от времени кофточка, которую носила покойная бабушка, мамина мама, и платок, подаренный ей на 16 лет тёткой Марфушкой. К ней, в районный городок Андреаполь, она сейчас и направлялась. Тётушка была младшей маминой сестрой. Жила последняя из трёх сестёр с ослепшим своим отцом, доживавшим свой век в двухстах шагах от их хутора. И, слава Богу, дед помер раньше, чем его старшую дочь, мать Ольги, большевики выкинули с хутора с семьёй детьми и мужем в период повторной сплошной коллективизации. Места у них были глухие, далёкие от Москвы, вот и докатилась до них эта волна, обездолившая

справные крестьянские хозяйства и семьи спустя несколько лет после указов жестокого красного правителя в 1935 году.

Ольга решила идти к большаку через места своего детства, посмотреть на брошенный дедушкин дом, на свой хутор, где стоял их дом, теперь перевезённый в деревню, в колхоз. Бог весть, доведётся ли ещё когда в жизни их увидеть? Через четверть часа она была у небольшого лесного озера с берегами, заросшими папоротником под могучими елями. Присела отдохнуть и заметила множество молодых и ядрёных боровиков. Насобирила их полный платок и повесила на сухую ветку ели через плечо. Вскоре показался и большак — дорога между Андреаполем и Сережино, двумя районными центрами. По ней ещё километр мимо болота и маленькой речки, и вот уже виден поворот на лесную дорогу на их хутор. Дальше она могла бы идти с закрытыми глазами. Столько хожено по этой дорожке с мамой, старшим братом Алексеем, сёстрами Шурочкой и Соней. А вот за дорогой лес, который посадили её родители, чтобы, когда вырастут ели, было из чего построить детям дома. Выросли теперь и деревья, и они со старшим братом. Только незачем им теперь тут строить дома. Их жизнь пройдёт где-то вдалеке. На хуторе Лёля не стала останавливаться — душили слёзы бессилия и злости. Кто и зачем поступил так безжалостно с их судьбами? Спустилась к маленькой речке с прозрачной студёной водой. Моста через неё не было. Летом можно было вброд перейти, не замочив подола, а вот весной... Весной река раз-

ливалась и приводила в ход колёса небольшой мельнички, построенной ещё при их прадеде. Лёлька напилась студёной воды и омыла лицо и руки по плечи. После чего перешла речку босыми ногами и поднялась на горку. Первый дом справа — это бывший дом отца их мамы. Вообще улица этой деревни была вся в «лысынах». От всей деревеньки осталось полдюжины заколоченных домов. К моменту переселения в колхозную деревню их владельцы были уже в лучшем мире, а родственники разбрелись по белу свету в поисках лучшей жизни. Ольга подобрала булыжник у крыльца и сбила хлипкий от времени замок. Дверь скрипнула и впустила внутрь внучку бывшего хозяина дома. Ольга перекрестилась на старую почерневшую икону в углу. Всё ещё висела и бабушкина лампадка. Крыша за десять лет после смерти деда пока ещё не прохудилась, и в доме было сухо и светло. Странно, что никто не разбил стёкла. Половики с пола увезла на память тётка Марфушка. Да и весь дом был абсолютно пустой. Но сбоку печки лежала охапка сухих дров. К счастью, в печи нашлось пара старых глиняных, но целых горшков. Ольга сбегала с одним на реку за водой. Достала из своей котомки ножик и спички. Нащипала на растопку лучины. Сбегала в огород за мятой. Через час у неё сварилось пшено с грибами. Спасибо, отец дал с собой и деревянную ложку, и соль. Стола, правда, в доме не было. Пришлось есть, сидя на полу. От тепла и еды девушку разморило, и она задремала рядом с печью. И приснились ей дедушка с бабушкой. Жаловались,

что никто не ходит к ним на могилки, не навещает. Лёлька не стала их расстраивать, что с ними тут творится и почему нет возможности ходить. Потом дедушка хотел её о чём-то предупредить, но бабушка поглядела на него с укором, и тот замолчал. Тут Лёлька проснулась. Солнце зашло уже на западную сторону. Окна в доме были на восток и на юг. Вышла на порог и всплеснула руками.

— Ну и соня!

Теперь уж ей затемно не дойти до Андреаполя. Как-никак вёрст сорок с гаком. Придётся заночевать в дедушкином доме. Тогда надо поискать в доме топор и наколоть дров, которые лежали в прихожей. Тех, что у печи, явно недостаточно, чтобы протопить до утра. Лёлька полезла по лестнице на чердак. Там лежали в пыли старые дореволюционные книжки и журналы. И тогда она вспомнила, что бабушка была образованная. Дед ведь познакомился с ней у барыни, когда служил лесничим. Потом его выгнали, когда мужики порубили лес. Вернее их выгнали, потому что они успели обвенчаться незадолго до этого и бабушка уже носила под сердцем Лёлькину маму. А бабушка была бедной дальней родственницей той барыни — вот и отдала она её замуж своему лесничему, чтобы сэкономить на приданом. Дед после смерти бабушки книжки не сжёг. Должно быть, лил слёзы здесь на чердаке по своей ненаглядной, пока не ослеп. Ольга же успела научиться только читать по слогам и считать до ста. Поэтому сдула с книжек пыль и стала перелистывать в поисках картинок.

Картинки в книжках были редки и мало ей интересны. Тогда она вспомнила игру, которой научила её в детстве мама. Страницы весело зашелестели у неё под рукой, и вдруг вылетели несколько червонцев. Ого, целых девяносто рублей! Ольга не верила своим глазам. Может, вернуться теперь назад к родителям, братьям и сёстрам? Нет. Как вспомнит эти страшные глаза председателя колхоза. Ещё и в тюрьму посадит. А скорее просто отберёт эти деньги. Бедная наивная девочка. Она просто не знала, что сколько стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.